

ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ФАКТОР КАК ТРИГГЕР ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО РЕЖИМА КАСПИЙСКОГО МОРЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

И.С. Рожков

Министерство иностранных дел Российской Федерации

Объектом исследования данной статьи является формирование международного режима Каспийского моря после развала СССР в 1991 г., когда распад союзного государства привёл к увеличению количества прибрежных стран и трансформации «закрытого» советско-иранского региона в арену столкновения внешнеполитических интересов ведущих держав мира. Предметом исследования является энергетический фактор во взаимоотношениях стран Каспийского региона, который долгое время оказывал существенное влияние на позиции государств в переговорном процессе. Особое внимание уделено эволюции подходов членов каспийской «пятёрки» по вопросу ресурсной делимитации, в т.ч. в фокусе разработки Конвенции о правовом статусе Каспийского моря. Отмечены основные вехи многолетнего переговорного «марафона» на данном треке, рассмотрены последствия разграничения дна северной части Каспия между Россией, Казахстаном и Азербайджаном на основе дву- и многосторонних соглашений 1998-2003 гг. Подвергнута тщательному анализу ситуация, сложившаяся вокруг трансграничных нефтегазовых месторождений Южного Каспия, оспариваемых Азербайджаном, Ираном и Туркменистаном («Кяпаз» / «Сердар», «Азери» / «Оман», «Чираг» / «Осман», «Алов – Араз – Шарг» / «Альборз», «Сардар Джангал», «Алтын Асыр»), как фактор нестабильности в регионе, высказана оценка её негативного влияния на отношения прикаспийских стран в целом. Основным выводом автора является то, что дискуссия, начатая прикаспийскими странами для прояснения модальностей юрисдикции морских недр в формате Специальной рабочей группы на уровне заместителей иностранных дел, превратилась в полноценный механизм многостороннего взаимодействия региональных субъектов и стала триггером для обсуждения прочих насущных вопросов каспийской повестки дня: политико-экономических, экологических, военных, по вопросам безопасности, транспортных, туристических и т.д. В этой связи выделены основные факторы, влияющие на поиск эффективных решений по выходу из «делимитационного тупика» на современном этапе, в т.ч. особая позиция Ирана по вопросам разграничения, роль вне-региональных акторов, экологические риски. Также исследована конструктивная роль на данном направлении четырёх Каспийских саммитов и документов, при-

УДК 341.1/8, 94:327(262.81) JEL Q4, K32

Поступила в редакцию 25.11.2017 г.

Принята к публикации 01.02.2018 г.

нятых по их итогам, подчеркнута безальтернативность принятия единого компромиссного подхода к ресурсному разграничению дна и недр Каспийского моря и его закрепления в будущей Конвенции по правовому статусу водоёма.

Ключевые слова: Каспийское море, правовой статус, делимитация, дно и недра, углеводороды, конвенция, спорные трансграничные месторождения, Каспийский саммит.

Распад Советского Союза в 1991 г. вызвал фундаментальные сдвиги в политической тектонике Каспийского региона¹, обозначив новый этап его развития. Появление на карте мира «молодых каспийцев» – Азербайджана, Казахстана и Туркменистана – привело к трансформации сложившегося в течение XX в. статус-кво, связанного с советско-иранским доминированием на Каспии, и обозначило необходимость изменения устоявшихся «правил игры». Отныне судьба водоёма де-факто определялась результатами взаимодействия пяти независимых государств, многие из которых уже на заре своего становления столкнулись с рядом серьёзных вызовов и угроз, обусловленных несовершенностью существующего юридического статуса моря.

Целью настоящего исследования является попытка проследить эволюцию взаимоотношений между прибрежными странами на постсоветском этапе через призму определения нового юридического режима Каспийского моря, а также выявить основные факторы, способствующие развитию переговорного процесса внутри «пятерки». Было бы опрометчиво предполагать, что после обретения независимости «новые каспийцы» безоговорочно согласятся с существующими правовыми «порядками», регулирующими отношения региональных акторов. В этой связи закономерно возникает вопрос о том, что же стало основным катализатором взаимодействия прикаспийских государств.

Если до 1991 г. главными направлениями каспийского сотрудничества были рыболовство, судоходство и экология, то после исчезновения СССР с политической карты мира геоэкономическое измерение в Каспийском регионе приобретает освоение богатых нефтегазоносных месторождений², разработка большинства из которых в советское время была признана нерентабельной ввиду глубины залегания ресурсов и отсутствия необходимых для их добычи технологий [3, с. 257]. Уже в начале 1990-х гг. некоторые западные аналитические компании объявляют об открытии колоссальных запасов углеводородов в недрах Каспия и публикуют якобы достоверные данные, подтверждающие статус ре-

¹ В настоящей статье под понятием «Каспийский регион» будет пониматься совокупность стран, чьи берега образуют границу акватории Каспийского моря.

² Согласно данным BP Statistical Review 2016, доказанные запасы нефти и газа каспийских стран составляют: Азербайджан – 1 млрд т / 1,1 трлн м³, Казахстан – 3,9 млрд т / 0,9 трлн м³, Туркменистан – 0,1 млрд т / 17,5 трлн м³, Иран – 21,7 млрд т / 34 трлн м³, Россия – 14 млрд т / 32,3 трлн м³ (BP Statistical Review of World Energy. June 2016. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/pdf/energy-economics/statistical-review-2016/bp-statistical-review-of-world-energy-2016-full-report.pdf> (дата обращения: 15.11.2017).

гиона в качестве нового глобального энергетического центра. Работы советских геологов и нефтяников, изучавших море в течение практически целого столетия и косвенно опровергавших в своих трудах завышенные цифры, при этом в расчёт не берутся³. Подобные прогнозные манипуляции превращают каспийские ресурсы в лакомый кусок большого «энергетического пирога» и предмет повышенного интереса со стороны крупных международных компаний, с приходом которых «новые каспийцы» связывают увеличение объёмов бюджетных поступлений, приток передовых технологий, а также широкомасштабные инвестиции в нефтегазовую отрасль [13, с. 172-173].

В этой связи автор исследования склонен полагать, что именно энергетический фактор сыграл доминирующую роль в укреплении сотрудничества прикаспийских стран, а также придал положительный импульс дискуссии по определению правового статуса моря. В качестве основного контраргумента к позиции ряда исследователей, считающих, что основным драйвером взаимодействия прибрежных государств после распада СССР была необходимость предотвращения надвигающейся экологической катастрофы вследствие увеличившейся антропогенной нагрузки на биосферу водоёма, а также агрессивные попытки внерегиональных центров силы (США, ЕС, Турция) проникнуть на Каспий и закрепить там свои позиции, стоит упомянуть, прежде всего, экзистенциальную значимость минеральных ресурсов для формирующихся экономик «молодых каспийцев», которые срочно нуждались в финансовой подпитке для стабилизации и укрепления. Как справедливо отмечает в этой связи российский политолог И.А.Чихарев, рассуждая о роли ресурсно-сырьевой составляющей в современных политических отношениях, «основу экономического и политического жизнеобеспечения формируют природные ресурсы, без которых невозможно никакое социальное, интеллектуальное и информационное воспроизводство. Именно природные ресурсы имеют сегодня особый статус из-за обострения энергетической проблематики» [10, с. 13-14]. Основным же препятствием на пути освоения углеводородов и осуществления иной хозяйственной деятельности, связанной с их добычей и транзитом на внешние, прежде всего европейские, рынки, становится неурегулированность юридического статуса Каспийского моря.

В качестве методологической основы исследования выступают исторический и сравнительный методы научного анализа. Важным выводом статьи является фиксация того факта, что обусловленные необходимостью установления единых и прозрачных правил освоения минеральных ресурсов дна и недр Каспийского моря переговоры между прибрежными государствами постепенно трансформировались в пятистороннюю дискуссионную площадку по целому спектру вопросов: от экологии до безопасности – и стали триггером для формирования ряда региональных механизмов многостороннего взаимодействия.

³ Жильцов С.С. Каспийская энергетическая игра. [Электронный ресурс] // Независимая газета. 14.01.2014. URL: http://www.ng.ru/energy/2014-01-14/11_kaspiy.html (дата обращения: 13.11.2017).

Статус решает всё

В течение большей части XX в. правовой режим водоёма определялся двумя советско-иранскими соглашениями: Договором между РСФСР и Персией от 26 февраля 1921 г. и Договором о торговле и мореплавании между СССР и Ираном от 25 марта 1940 г. Они содержали актуальные для того времени положения о свободе судоходства по всей акватории моря, свободе рыболовства за исключением десятимильных прибрежных зон, в которых соответствующие прибрежные государства имеют особые полномочия, запрете плавания судов под флагами некаспийских стран. Вместе с тем эти документы никак не затрагивают выдвинувшиеся на передний план на современном этапе вопросы недропользования, охраны природной среды, транзитно-транспортного сотрудничества, проведения научных исследований и т.д.

Россия и Иран исходят из того, что до момента подписания нового всеобъемлющего юридического соглашения по Каспию упомянутые документы сохраняют свою силу. Азербайджан, Казахстан и Туркменистан также признали их действие, подписав 21 декабря 1991 г. Алма-Атинскую Декларацию СНГ и тем самым приняв на себя все существующие международно-правовые обязательства по сохранившим силу договорам Советского Союза⁴, однако на практике пренебрегают исполнением, периодически заявляя о нераспространении их действия на свои территории [8, с. 38] и устанавливая собственные границы и режимы в акватории посредством внутреннего законодательства⁵. Россия и Иран в свою очередь не признают данные односторонние действия в качестве легитимных.

По замыслу руководства прикаспийских стран, новый базовый юридический документ – Конвенция о правовом статусе Каспийского моря (Конвенция) – должен заменить явно устаревшие в новых геополитических условиях и не отвечающие реальному положению дел советско-иранские договоры XX в. Первые переговоры по данной тематике состоялись уже в середине 1990-х гг. Как и ожидалось, в авангард каспийской повестки дня был выдвинут вопрос о разграничении морских недр с целью начала их скорейшего освоения и разработки.

Ситуация дополнительно осложнялась тем, что в советское время делимитация на Каспии официально не проводилась: согласно договорам 1921 г. и 1940 г., водоём рассматривался как «советский и иранский». Негласная граница фактически проходила по линии Астара – Гасан-Кули, соединяющей крайние пограничные точки двух стран на западном и восточном берегах моря (хотя такое «разделение» никогда официально не признавалось). Оба государства осуществ-

⁴ Тогрул И. Международно-правовой статус Каспия: исторические предпосылки текущих проблем. [Электронный ресурс] // Sia.az. 21.10.2015. URL: <http://sia.az/ru/news/culture/507039.html> (дата обращения: 20.11.2017).

⁵ К примеру, закон «О государственной границе Туркменистана» от 1 октября 1993 г. установил «территориальное море Туркменистана» шириной 12 морских миль; закон «О государственной границе Республики Казахстан» от 16 января 2013 г. – «территориальные воды (море) Республики Казахстан» шириной 12 морских миль; Конституция Азербайджанской Республики от 12 ноября 1995 г. закрепила понятие «сектор Каспийского моря (озера)».

вляли геологические исследования, разведку нефтяных месторождений в «своих» частях Каспия без каких-либо уведомлений друг друга, но и не нарушая при этом сложившийся правовой режим.

В 1970-х гг. Министерство нефтяной промышленности СССР для ведомственных нужд условно разделило морское дно «советской» части Каспия между АзССР, РСФСР, КазССР и ТССР на «республиканские секторы» без привязки к каким-либо координатам [5, с. 129]. При этом такое деление носило чисто административный характер, использовалось исключительно в служебных целях подведомственными Миннефтепрому предприятиями и не служило в качестве границ на море.

На первых раундах переговоров «новые каспийцы» принялись рьяно отстаивать свои права на «национальные секторы», задействуя в качестве основного аргумента вышеупомянутое служебное разграничение советского периода. Иран и Россия солидарно высказывались за сохранение существующего порядка, выступая за совместное использование водных и минеральных ресурсов моря до выработки нового всеобъемлющего юридического документа.

Несмотря на все усилия некоторых стран не допустить проникновения на Каспий внерегиональных бизнес-игроков, 20 сентября 1994 г. произошло подписание т.н. «контракта века» между правительством Азербайджана и одиннадцатью транснациональными энергетическими компаниями, согласно которому последние допускались к разработке трёх перспективных нефтегазоносных каспийских месторождений – «Азери», «Чираг» и «Гюнешли». Ожидаемый объём инвестиций, согласно договорённостям, должен был превысить 7 млрд долл. США, из которых чуть более 0,5 млрд долл. США (т.е. ок. 6%) в проект обещал вложить российский «Лукойл» [1]. Азербайджанские власти не только умело воспользовались текущим положением дел для заключения выгодной во всех отношениях сделки, но и получили доступ к новым технологиям, позволяющим добывать нефть глубокого залегания с морских структур. Такие энергоносители, по сути, составляли единственный перспективный источник пополнения госбюджета республики, ведь практически все старые сухопутные скважины были истощены в течение предыдущих столетий [4]. Чтобы окончательно сохранить за собой право на самостоятельную разработку минеральных ресурсов, Баку инициировал принятие на референдуме 1995 г. Конституции Азербайджанской Республики, в которой было закреплено понятие «сектор Каспийского моря (озера)» (ст. 11, п. II) [14, с. 8].

«Северная формула»

На фоне подписания «контракта века» всем сторонам стала понятна необходимость форсирования переговоров по наиболее чувствительным вопросам правового статуса Каспия, включая делимитационный. 11-13 ноября 1996 г. министры иностранных дел каспийской «пятерки» провели встречу в Ашхаба-

де, на которой условились о создании постоянного переговорного механизма – Специальной рабочей группы по разработке Конвенции о правовом статусе Каспийского моря на уровне заместителей министров иностранных дел прикаспийских государств (СРГ). Её учреждение стало первым важным шагом на пути разрешения «делimitационной головоломки». На рабочую группу была возложена задача по выработке нового правового статуса водоёма. Первое заседание СРГ прошло 22 мая 1997 г. в Казахстане; к настоящему времени состоялось больше полусотни встреч в подобном формате.

По мере развития переговорного процесса Казахстан выступил с инициативой о ресурсной делимитации Каспия на основе принципа модифицированной срединной линии⁶, идущей от сухопутных границ. Подразумевалось, что дно и недра моря будут разделены в целях недропользования и осуществления иной хозяйственной деятельности между сопредельными и противолежащими государствами на участки (или донные секторы), в пределах которых они будут осуществлять свои суверенные права в целях разведки и освоения минеральных ресурсов, а водная толща останется в общем пользовании. На практике такой подход означал бы совместное решение вопросов экологии, транспорта, рыболовства и т.п. При этом в случае прохождения разделительной линии через перспективные углеводородные структуры и месторождения соответствующие прибрежные государства имели бы исключительное право на их совместную разработку, а долевое участие определялось бы на основе сложившейся мировой практики и с учётом добрососедских отношений.

Важно отметить, что в предложении Казахстана речь шла исключительно о ресурсной, а не о территориальной юрисдикции, которую отстаивал Азербайджан. Для России этот фактор имел стратегическое значение, ведь реализация азербайджанских планов означала бы автоматическое превращение линий разграничения в государственные рубежи, что не только лишало бы Россию доступа к южной части моря, но и вело к значительному повышению уровня милитаризации региона (на том временном этапе), ведь каждой прикаспийской стране понадобились бы собственные военно-морские силы для охраны и патрулирования морских пределов.

В итоге Россия согласилась поддержать казахстанскую инициативу, несмотря на то что долгие годы совместно с Ираном придерживалась идеи установления в водоёме принципа кондоминиума. Смену российских позиций эксперты объясняют изменившейся ситуацией в регионе, где всё заметнее стали проявляться последствия внешнеполитического присутствия США и их союзников [9].

6 июля 1998 г. Россия и Казахстан подписали Соглашение о разграничении дна северной части Каспийского моря в целях осуществления суверенных прав на недропользование, в котором был зафиксирован общий подход к режиму хо-

⁶ Модифицированная срединная линия представляет собой изменённый вариант обычной срединной линии и строится в целях ресурсного разграничения по договорённости сторон с учётом географических особенностей, геологических структур и прочих особых обстоятельств местности.

зайствования на Каспии по формуле «Дно делим – вода общая». В Протоколе к данному Соглашению от 2002 г., а также в Протоколах о внесении изменений в Протокол 2002 г., принятых в 2006 г. и 2015 г., были впоследствии отражены особенности прохождения модифицированной срединной линии разграничения зон недропользования России и Казахстана, а также определены условия совместного освоения и правовой статус нефтегазоносных структур, расположенных на стыке этих участков. Принятые меры позволили урегулировать модальности раздела трёх перспективных месторождений – «Хвалынское», «Центральное» и «Курмангазы». Тем самым Россия и Казахстан создали благоприятный для решения чувствительной проблемы прецедент, предложив остальным прикаспийским соседям эффективный вариант выхода из «делимитационного тупика».

Первой страной, по достоинству оценившей перспективность найденного компромисса, стал Азербайджан, уже в ноябре 2001 г. подписавший с Казахстаном Соглашение о разграничении противлежащих участков дна Каспийского моря по срединной линии (без модификации) и в феврале 2003 г. Протокол к нему. В сентябре 2002 г. на высшем уровне было подписано Соглашение о разграничении сопредельных участков дна Каспийского моря между Россией и Азербайджаном, а в мае 2003 г. переговорный процесс успешно завершился подписанием трёхстороннего Соглашения между Россией, Азербайджаном и Казахстаном о точке стыка линий разграничения сопредельных участков дна Каспийского моря. Тем самым тремя постсоветскими странами был успешно завершён процесс делимитации дна и недр около 60% всего водоёма [2, с. 7]. Северные соседи смогли не только прийти к консенсусному решению относительно модальностей прохождения линий разграничения по перспективным углеводородным месторождениям, но и определить взаимовыгодные условия их освоения и разработки [7]. Казалось, был найден действенный и неконфликтный способ раздела каспийского «энергетического пирога», который применим и в южной части моря при условии согласия с таким подходом оставшихся членов «пятерки».

В ответ на действия России, Казахстана и Азербайджана последовало совместное туркмено-иранское заявление, в котором выражался резкий протест «сепаратным» договорённостям и констатировался отказ признавать их в качестве легитимных. Особо жёсткую позицию занял Ашхабад, хотя изначально туркменская сторона проводила довольно сбалансированную политику на каспийском направлении, проявляла умеренную гибкость при обсуждении вопросов правового статуса водоёма, что во многом было связано с конституционно закреплённым нейтральным статусом и невысоким военно-морским потенциалом страны, не позволявшим решать вопросы с позиции силы. Однако после заключения «северянами» трёхсторонних соглашений президент Туркменистана С. Ниязов принял решение об отказе от рассматривавшейся ранее идеи совместного освоения морских ресурсов. Вместо этого было издано постановление № 3467 «Об утверждении перечня географических координат точек, определяющих положение исходных линий на туркменском побережье Каспийского

моря», согласно которому создавался «туркменский национальный сектор», состоящий из 31 блока. Принятие данного документа развязывало Ашхабаду руки в отношении самостоятельного освоения богатых залежей полезных ископаемых, прежде всего нефти и газа.

Недовольство Тегерана и Ашхабада односторонними действиями Москвы, Астаны и Баку, равно как и неготовность задействовать в Южном Каспии найденную формулу ресурсного разграничения привели к возгоранию доселе тлеющих конфликтных очагов вокруг спорных трансграничных нефтегазоносных месторождений.

Скважины раздора

Осложнение отношений между Баку и Ашхабадом вызвало месторождение «Кяпаз» (аз.) / «Сердар»⁷ (туркм.), которое было открыто ещё в советское время и первоначально носило название «Промежуточное».

В основу спора двух государств легли различия страновых методик построения срединной линии для определения границ донных секторов. В Азербайджане его отмеряют от восточной оконечности Апшеронского полуострова (Шахова коса), заметно выдающейся вглубь Каспия⁸, а также ссылаются на «сложившуюся практику» (карты 70-х гг. прошлого столетия, когда Миннефтепром СССР осуществлял разделение «советской» части Каспия на «республиканские секторы» для служебной необходимости) и первенство своих учёных в обнаружении и начале разведки месторождения в 1981 г. [11, с. 22-23]. Туркменистан же настаивает на отсчёте границы дна от базовой линии каспийского побережья на азербайджанской территории⁹.

Весной 2001 г. Туркменистан предпринял неудачную попытку прийти к соглашению с Азербайджаном по вопросу определения границы между донными секторами двух стран. Переговоры завершились обвинением Баку в аннексии части территории суверенной страны и обещанием привлечь к разбирательству данного случая международные структуры¹⁰. Впоследствии имели место инциденты с участием военных кораблей, связанные с попыткой одной из сторон провести геологоразведочные работы на спорной территории. Разгоревшийся конфликт даже привёл тогда к закрытию туркменского посольства в Азербайджане¹¹ (возобновило свою работу только в 2008 г.).

⁷ По оценкам экспертов, запасы «Кяпаз» / «Сердар» достигают 80 млн т нефти и 32 млрд м³ газа.

⁸ Шахсуваров Р. Азербайджан – Туркменистан: имеет ли проблема решение? [Электронный ресурс] // ИА «РЕХ». 02.07.2013. URL: <http://www.iarex.ru/articles/38380.html> (дата обращения: 12.11.2017).

⁹ Шахсуваров Р. Азербайджан – Туркменистан: имеет ли проблема решение? [Электронный ресурс] // ИА «РЕХ». 02.07.2013. URL: <http://www.iarex.ru/articles/38380.html> (дата обращения: 12.11.2017).

¹⁰ Азербайджан с Туркменией не поделили «Кяпаз» («Сердар») на Каспийском море. [Электронный ресурс] // Neftegaz.ru. 02.07.2012. URL: <http://neftegaz.ru/news/view/103196-Azerbaydzhan-s-Turkmeniey-ne-podelili-Kyapaz-Serdar-na-Kaspiyskom-more> (дата обращения: 23.11.2017).

¹¹ «Сердар» vs «Кяпаз»: какой суд рассудит Азербайджан с Туркменистаном? [Электронный ресурс] // ИА «Фергана». 03.07.2012. URL: <http://www.fergananews.com/articles/7413> (дата обращения: 20.11.2017).

Одновременно Ашхабад претендует на месторождения «Азери» (аз.) / «Омар» (туркм.) и «Чираг» (аз.) / «Осман» (туркм.)¹², входящие в структуру «Азери – Чираг – Гюнешли»¹³ и с 1994 г. разрабатываемые по «контракту века» международным консорциумом.

Определённая корректировка в каспийской политике Ашхабада наметилась с приходом к власти в 2007 г. нового президента Г. Бердымухамедова. В 2008 г. Азербайджан и Туркменистан условились о неосуществлении какой-либо деятельности по разведке и добыче минеральных ресурсов на пересечении своих донных участков вплоть до завершения переговоров по определению статуса Каспийского моря и подписали об этом соответствующий договор. Тем не менее уже в 2009 г. новый лидер Туркменистана объявил о решении потребовать от Азербайджана компенсацию за ведущуюся разработку этих морских месторождений, пообещав, в случае отказа, вынести вопрос на рассмотрение Международного суда ООН в Гааге¹⁴. Это создало бы нежелательный прецедент вмешательства в дела водоёма сторонних сил, особенно по такой деликатной проблематике. В ответ Баку предложил вернуться к урегулированию проблемы на двусторонней основе, намекнув на возможность совместной разработки спорных месторождений. Однако эту идею в Ашхабаде восприняли скептически¹⁵.

В 2014 г. на фоне нормализации двусторонних отношений и обоюдной заинтересованности в развитии своих топливно-энергетических и транзитно-транспортных потенциалов стороны вернулись к обсуждению спорного вопроса. Этому «способствовали» обвал цен на мировых рынках энергоносителей, а также прекращение закупок туркменского газа Россией и – как следствие – необходимость для страны искать новые маршруты сбыта, в т.ч. в Европу.

Персидская игра

Особую позицию в вопросе о разделе дна в Южном Каспии занимает Иран. Тегеран активно проводит геологические исследования, в т.ч. вторгаясь в сферу интересов своих соседей. Туркменистан в ответ на действия каспийских партнёров зачастую молчит, а Баку регулярно, но безрезультатно заявляет об их неправомочности. В то же время иранцы возражают против попыток соседей

¹² Любопытно, что туркмены дали данным месторождениям имена преемников пророка Мухаммеда, второго и третьего правоверных халифов, которые особо почитаются мусульманами суннитского толка, составляющими большинство населения Туркменистана, но не признаются шиитами, проживающими в Азербайджане и Иране.

¹³ По различным оценкам, прогнозные показатели по «Азери» / «Омар» и «Чираг» / «Осман» в совокупности составляют св. 900 млн т нефти, 630 млрд м³ природного газа и 350 млрд м³ попутного газа (Шахсуваров Р. Азербайджан – Туркменистан: имеет ли проблема решение? [Электронный ресурс] // ИА «REX». 02.07.2013. URL: <http://www.iarex.ru/articles/38380.html> (дата обращения: 20.11.2017)).

¹⁴ «Сердар» vs «Кяпаз»: какой суд рассудит Азербайджан с Туркменистаном? [Электронный ресурс] // ИА «Фергана». 03.07.2012. URL: <http://www.fergananews.com/articles/7413> (дата обращения: 14.11.2017).

¹⁵ Баку и Ашхабад снова взялись за «Кяпаз». [Электронный ресурс] // Независимая газета. 20.06.2012. URL: http://www.ng.ru/cis/2012-06-20/7_kaspiy.html (дата обращения: 18.11.2017).

приступить к освоению спорных месторождений, давая понять, что в случае начала работ они не остановятся перед применением силы. Однако несмотря на то, что Тегеран обладает вторым по численности и потенциалу военно-морским флотом на Каспии, реализация «силового сценария» развития конфликта вряд ли реалистична, ведь все стороны осознают, что решение делимитационной проблемы лежит в дипломатической плоскости.

Спор между Азербайджаном и Ираном ведётся вокруг нефтегазоносной структуры «Алов – Араз – Шарг» (аз.) / «Альборз» (перс.). Баку ещё в 1998 г. подписал соглашение о его разработке международным консорциумом под управлением ВР [12, с. 29-30]. Однако 23 июля 2001 г. корабль ВМС Ирана под угрозой применения силы вынудил азербайджанские научно-исследовательские суда «Геофизик-3» и «Алиф Гаджиев», на которых находились представители ВР, прекратить проведение научно-изыскательных работ на данном месторождении и покинуть «иранские территориальные воды» [2, с. 12]. До открытого военного столкновения между двумя странами дело не дошло, однако вследствие обострения ситуации все программы, реализуемые на данном участке, были свёрнуты в течение месяца.

В 2002 г. иранские специалисты во время проведения геологоразведочных работ у берегов провинции Гилян недалеко от порта Нека обнаружили месторождение газа с прогнозными запасами ок. 1,4 трлн м³. Структура получила название «Сардар Джангал», однако её разработка не была признана приоритетной в силу ограниченности финансовых и кадровых ресурсов в связи с освоением более перспективного месторождения «Южный Парс» в Персидском заливе¹⁶. В декабре 2011 г. иранцы провели дополнительные исследования при помощи крупнейшей в стране полупогружной буровой установки «Амир Кабир» и выяснили, что в этом районе также имеются богатые нефтяные залежи, объём которых составляет ок. 1,5 млрд т¹⁷.

Однако неожиданно о правах на новую структуру заявил Баку, мотивируя свои притязания тем, что залежи ресурсов находятся географически ближе к его побережью, на стыке границ азербайджанского и туркменского «секторов». Тегеран, в свою очередь, не намерен уступать столь лакомый кусок «энергетического пирога»: это первое многообещающее открытие на каспийском дне в течение долгих лет, в освоение которого уже вложены немалые средства.

В настоящее время стороны ведут переговоры относительно дальнейшей судьбы и перспектив совместной реализации спорных месторождений¹⁸. Досто-

¹⁶ «Сардар Джангал» станет одной из основных целей для азербайджанских вооружённых сил. [Электронный ресурс] // Vesti.az. 14.01.2013. URL: <http://vesti.az/news/143787> (дата обращения: 13.11.2017).

¹⁷ В Иране ведутся споры о необходимости разработки нефтяного месторождения на Каспии. [Электронный ресурс] // Iran.ru. 31.05.2017. URL: http://www.iran.ru/news/economics/105662/V_Irane_vedutsya_spory_o_neobhodimosti_razrabotki_neftyanogo_mestorozhdeniya_na_Kaspii (дата обращения: 14.11.2017).

¹⁸ Пока не будет договорённости в пятистороннем формате, дву- и трёхсторонние соглашения не будут действовать эффективно. Интервью с заместителем министра иностранных дел Ирана по вопросам Каспия И. Рахимпуром [Электронный ресурс] // Caspianenergy.net. 18.04.2016. URL: <http://caspianenergy.net/ru/neft-i-qaz/33322-2016-04-18-11-54-27> (дата обращения: 15.11.2017).

верно известно, что данная тема поднималась в ходе поездки президента Азербайджана И. Алиева в Тегеран в феврале 2016 г., а также в рамках ответного визита его иранского коллеги Х. Рухани в Баку в мае 2017 г. Определённые договорённости, видимо, были достигнуты¹⁹, но их явно недостаточно для того, чтобы запустить полномасштабную разработку оспариваемых структур.

Споры между Ашхабадом и Тегераном вызывает месторождение «Алтын Асыр» (нефтегазоносные блоки 29-31), которое входит в структуру «Альборз».

Президентские встречи

Конфликт, развернувшийся вокруг трансграничных углеводородных месторождений Южного Каспия, наглядно продемонстрировал необходимость совместного поиска эффективных способов его урегулирования, а также указал на безальтернативность скорейшей выработки нового международно-правового статуса водоёма.

Особого прогресса на данном направлении удалось достичь благодаря проведению четырёх Каспийских саммитов, в рамках которых на высшем уровне обсуждались наиболее чувствительные проблемы региона и возможные пути их разрешения. В Декларации по итогам II Каспийского саммита (Тегеран, 16 октября 2007 г.) – первом политическом документе, содержащем свод принципов и правил поведения стран «пятерки» на Каспии, которыми они намерены руководствоваться до принятия Конвенции, – зафиксированы принципиально важные договорённости сторон о том, что только прибрежные государства обладают суверенными правами в отношении Каспийского моря и его ресурсов. Решения, принятые лидерами прикаспийских стран в ходе IV Каспийского саммита (Астрахань, 29 сентября 2014 г.), развивают договорённости предыдущих встреч: президенты условились проводить «разграничение дна и недр Каспийского моря на основе общепризнанных принципов и норм международного права в целях реализации суверенных прав Сторон на недропользование и на другую правомерную хозяйственно-экономическую деятельность, связанную с освоением ресурсов дна и недр, по договорённости Сторон» (п. 12 Заявления²⁰). В Коммюнике по итогам Астраханского саммита констатировалось, что согласованные в Заявлении принципы деятельности станут «каркасом» будущей Конвенции.

В ходе состоявшегося в Москве 4-5 декабря 2017 г. Совещания министров иностранных дел прикаспийских государств (СМИД) сторонам удалось со-

¹⁹ Об этом в апреле 2016 г. в одном из интервью недвусмысленно заявил министр связи и информационных технологий Ирана М. Ваези. По его словам, стороны уже определились, какое месторождение будет разрабатываться совместно, однако его название раскроют только после окончания переговоров (Иран готов к совместной с Азербайджаном разработке месторождений на Каспии. [Электронный ресурс] // Trend.az. 21.04.2016. URL: <https://www.trend.az/business/energy/2523182.html> (дата обращения: 19.11.2017)).

²⁰ Заявление президентов Азербайджанской Республики, Исламской Республики Иран, Республики Казахстан, Российской Федерации и Туркменистана (по итогам IV Каспийского саммита) [Электронный ресурс] // Сайт Президента России. 29.09.2014. URL: <http://kremlin.ru/supplement/4754> (дата обращения: 17.11.2017).

гласовать проект Конвенции о правовом статусе Каспийского моря²¹. Это позволяет надеяться, что её подписание на высшем уровне (разумеется, после соответствующей редакторской доработки, перевода на национальные языки и завершения необходимых для каждой страны внутригосударственных процедур) состоится в рамках V Каспийского саммита в первой половине 2018 г. в Казахстане.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что делимитация Южного Каспия будет, скорее всего, осуществляться по «северной формуле», с использованием простой или модифицированной срединной линии путём согласования границ донных секторов непосредственно между соседними и противоположащими странами. Первый шаг в данном направлении сделал Туркменистан, в декабре 2014 г. заключивший Соглашение о разделе дна Каспийского моря с Казахстаном, который стал вторым прикаспийским государством (после России), успешно завершившим процесс согласования всех границ своего донного сектора.

Факторы риска

Несмотря на наметившийся на данном направлении прогресс, говорить об успешном разрешении проблемы ещё рано. При анализе перманентно меняющейся ситуации вокруг ресурсной делимитации Южного Каспия необходимо учитывать целый комплекс факторов, определяющими из которых являются:

1. *неурегулированность международно-правового статуса Каспийского моря*. Предполагается, что в Конвенции, разработка которой ведётся на протяжении 20 лет, будут определены общие правила разграничения водной толщи, а также дна моря в целях недропользования. На Астраханском саммите президентам прикаспийских стран впервые удалось достичь и закрепить в итоговом Заявлении принципиальные договорённости о будущем разделении акватории на морское пространство под национальным суверенитетом прибрежного государства шириной 15 морских миль, примыкающее к нему 10-мильное пространство, где действуют исключительные права прибрежного государства на добычу биоресурсов, и общее водное пространство. Был согласован и принцип ресурсного разграничения дна (приводился выше). Теперь необходимо правильно собрать «донный пазл» на Юге²²;

2. *особая позиция Ирана*. Данная страна является, по сути, единственным участником каспийской «пятёрки», который не признаёт «северную формулу» делимитации.

²¹ Выступление министра иностранных дел России С.В.Лаврова в ходе пресс-конференции по итогам Сопсовещания министров иностранных дел прикаспийских государств, Москва, 5 декабря 2017 г. [Электронный ресурс] // Сайт МИД России. 05.12.2017. URL: http://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/2978643 (дата обращения: 13.01.2018).

²² Игорь Братчиков: надеюсь, что пазл на Каспии скоро будет собран. [Электронный ресурс] // РИА «Новости». 19.10.2017. URL: <https://ria.ru/interview/20171019/1507141988.html> (дата обращения: 25.11.2017).

В попытках понять природу персидской неуступчивости некоторые эксперты прозорливо указывают на один весьма тонкий аспект внутреннего иранского законодательства. Дело в том, что его нормы прямо запрещают принимать какие-либо решения или заключать новые договора, которые могут негативно сказаться в будущем на политико-экономическом потенциале страны, а также потенциально ослабить или ухудшить его международное положение. Принимая во внимание тот факт, что позиция Ирана на переговорах по определению правового статуса Каспия была утверждена верховным лидером страны – рахбаром – аятоллой А. Хаменеи, любые отклонения от уже согласованных решений должны непременно вновь получить его одобрение [7].

Основной парадокс иранской ситуации заключается в том, что, непреклонно отстаивая на протяжении многих лет принцип разделения Каспийского моря на равные части и де-факто нивелируя усилия остальных стран по поиску взаимоприемлемого компромисса, Тегеран не торопится с разработкой перспективных нефтегазовых месторождений на своём участке дна. Обладая надёжным «тылом» в виде запасов Южного Парса, персы стремятся получить для себя наиболее выгодные условия делимитации за счёт своих соседей. Однако если рассмотреть данную ситуацию через призму математического анализа, станет совершенно очевидно, что вопрос раздела ресурсов Южного Каспия – классическая модель игры с ненулевой суммой, когда интересы акторов не являются прямо противоположными и проигрыш одного не обозначает неопределённого выигрыша другого, т.к., по данным некоторых специалистов, вне зависимости от того, какой процент дна отойдёт Ирану, крупнейшие углеводородные структуры всё равно будут расположены на секторальном стыке [7]. Поэтому «южанам» более выгоден кооперационный сценарий раздела, нежели конфронтационный;

3. *неодинаковая ценность каспийских углеводородных ресурсов для стран.* Фактор освоения нефтегазовых запасов играет куда большую роль для развития слабо диверсифицированных экономик Азербайджана, Туркменистана, чем их соседей по региону [4], служит гарантом политической стабильности;

4. *снижение цен на энергоносители в результате падения общемирового спроса.* Решение «делимитационной головоломки» представляет собой первостепенную задачу, прежде всего для Туркменистана и Азербайджана, т.к. стабильность экономик этих стран напрямую зависит от объёмов реализации нефти и газа. Резкое падение цен на углеводороды в 2014 г. привело к необходимости интенсифицировать их добычу и нарастить объёмы сбыта.

При этом важно учитывать, что Туркменистан – в отличие от Азербайджана – не обладает необходимыми экспортными возможностями, технологиями глубоководного бурения (ГНКАР были получены от ВР), а также финансовыми ресурсами для освоения морских месторождений. В настоящее время одной из главных проблем Ашхабада, по мнению экспертов, является отсутствие транзитной инфраструктуры, посредством которой можно было бы ежегодно поставлять на рынок ЕС большие объёмы туркменского газа;

5. *вмешательство внерегиональных акторов.* Каспийский регион по-прежнему находится в зоне интересов таких игроков, как ЕС, США и Турция [6, с. 150-158], которые стремятся играть посредническую роль в снятии туркмено-азербайджанских разногласий. Западники заинтересованы ликвидировать существующие между странами противоречия и тем самым устранить одно из серьёзных препятствий, мешающих прокладке Транскаспийского газопровода для перекачки экспортных объёмов туркменского «голубого топлива» в Европу в обход России. Так, в январе 2015 г. на встрече министров иностранных дел Азербайджана, Туркменистана и Турции было предложено организовать совместную разработку месторождения «Кяпаз» / «Сердар» путём создания азербайджано-туркменского консорциума на основе соглашения о разделе продукции;

6. *экологические риски.* В погоне за увеличением экономических показателей и бесконтрольным расширением добычи углеводородных ресурсов на морских месторождениях Каспия нельзя забывать об экологических рисках, им сопутствующих. Удовлетворение неуёмных энергетических appetитов зачастую сопряжено с повышенной угрозой загрязнения каспийской акватории нефтью и её продуктами. Национальные правовые нормы в области экологии, действующие в странах «пятёрки», не всегда отвечают высоким международным стандартам и обеспечивают стопроцентную защиту уникальной морской среды, состояние которой в последнее время вызывает особую обеспокоенность у специалистов²³. В этой связи Россия последовательно поддерживает примат экологии над экономикой на Каспии, выступает за неукоснительное выполнение требований и норм Рамочной конвенции по защите морской среды Каспийского моря 2003 г. (Тегеранская конвенция), содействует разработке и принятию новых Протоколов к ней²⁴.

Quo Vadis?

Подводя итоги, необходимо отметить, что энергетический фактор (в т.ч. проблема ресурсной юрисдикции) сыграл существенную роль в формировании международного режима моря. Несмотря на то, что проблема ресурсной делимитации Южного Каспия продолжает создавать препятствия для полномасштабного освоения спорных нефтегазоносных месторождений и вызывает осложнения в отношениях стран «пятёрки», есть надежда, что Конвенция о правовом статусе Каспийского моря окончательно «наведёт порядок» во внутренних делах водоёма. Важным выводом исследования является то, что начавшиеся как дискуссия для прояснения модальностей юрисдикции морских недр пере-

²³ Бесхозное море. [Электронный ресурс] // Каспий-online. 27.04.2017. URL: <http://www.kaspiy.az/news.php?id=59506> (дата обращения: 16.11.2017).

²⁴ Игорь Братчиков: надеемся, что пазл на Каспии скоро будет собран. [Электронный ресурс] // РИА «Новости». 19.10.2017. URL: <https://ria.ru/interview/20171019/1507141988.html> (дата обращения: 25.11.2017).

говоры давно «переросли» свой формат и трансформировались в полноценную площадку для обсуждения насущных вопросов каспийской повестки дня: политико-экономических, экологических, военных, безопасности, транспортных, культурных, туристических и т.д.²⁵. Успехи заседаний СРГ, СМВД, четырёх Каспийских саммитов трансформировались в конкретные договорённости, позволившие сформировать ряд многосторонних механизмов для регулирования взаимодействия соседей в определённых сферах: экологической (Рамочная конвенция по защите морской среды Каспийского моря), в области управления водными биоресурсами (Комиссия по сохранению, рациональному использованию водных биоресурсов Каспийского моря и управлению их совместными запасами), по вопросам безопасности (Соглашение о сотрудничестве в сфере безопасности на Каспийском море), гидрометеорологии (Комитет по гидрометеорологии Каспийского моря) и т.д. Подобная эволюция стала для каспийских партнёров наглядным примером того, что эффективные решения многих проблем региона, в т.ч. поиск выхода из «делимитационного тупика», могут быть найдены только совместными усилиями за столом переговоров.

Список литературы

1. Абакаров А.Т. Каспийский регион в глобальной стратегии в условиях нового геополитического пространства // *Право и политика*. 2007. № 11. С. 86-93.
2. Гегелашвили Н.А. Каспийский регион в мировой политике. М.: ИСКРАН, 2014. 165 с.
3. Жизнин С.З. Энергетическая дипломатия России: экономика, политика, практика. М.: Ист Брук, 2005. 640 с.
4. Жизнин С.З., Гулиев И.А. Энергетическая дипломатия в Каспийском регионе // *Вестник МГИМО-Университета*. 2012. № 1 (22). С. 241-247.
5. Жильцов С.С. Политика России в Каспийском регионе. М.: Аспект Пресс, 2016. 240 с.
6. Жильцов С.С., Зонн И.С. США в погоне за Каспием. М.: Международные отношения, 2009. 200 с.
7. Кольчугин Н.П. Каспийское море: процесс выработки правового статуса остаётся в тупике // *Сайт Института Ближнего Востока*. 16.05.2012. URL: <http://www.iimes.ru/?p=14732#more-14732> (дата обращения: 16.11.2017).
8. Мамедов Р. Международно-правовой статус Каспийского моря: вчера, сегодня, завтра. Баку, Азернешр, 2006. 456 с.
9. Темирбулатов А.М. Правовой статус Каспийского моря: позиции прикаспийских государств // *Геополитика и безопасность*. 2011. № 4 (16). С. 74-80.
10. Чихарев И.А. Проблематика политического пространства и времени в современной политологии и международных отношениях // *Политическая наука*. 2009. № 1. С. 7.
11. Akiner S., Gizzatov V., Roberts J. *The Caspian. Politics, energy and security*. Ed. by Akiner S. RoutledgeCurzon Publ., 2005. 372 p.
12. Janusz-Pawletta B. *The Legal Status of the Caspian Sea. Current Challenges and Prospects for Future Development*. Springer Publ., 2015. 176 p.
13. Kubicek P. Energy politics and geopolitical competition in the Caspian Basin // *Journal of Eurasian Studies*. 2013. Vol. 4. No. 2. Pp. 171-180.
14. Zimnitskaya H., von Geldern J. Is the Caspian Sea a sea; and why does it matter? // *Journal of Eurasian Studies*. 2011. Vol. 2. No. 1. Pp. 1-14.

²⁵ Пархомчик Л.А. Современные тренды многостороннего взаимодействия стран «Каспийской пятёрки» [Электронный ресурс] // *Каспий-Евразия*. 16.06.2017. URL: <http://caspien-eurasia.com/2017/06/16/sovremennye-trendy-mnogostoronnego-vzaimodejstviya-stran-kaspijskoj-pjatjorki> (дата обращения: 25.11.2017).

Об авторе:

Илья Станиславович Рожков – второй секретарь 3-го Департамента стран СНГ МИД России (119200, Москва, Смоленская-Сенная пл., 32/34). E-mail: ilja_roschkow@mail.ru.

ENERGY ISSUES AS THE TRIGGER OF FORMATION OF AN INTERNATIONAL REGIME OF THE CASPIAN SEA

I.S. Rozhkov

DOI 10.24833/2071-8160-2018-1-58-110-126

Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

The research object of the article is a development of the international regime of the Caspian Sea after the collapse of the Soviet Union in 1991 and increase in the number of the Caspian Littoral States, which transformed the former “closed” Soviet-Iranian region to the arena for wrangling between the different foreign policy interests of the most powerful world nations. The research subject is the key role of energy resources in the negotiation process between the States of the Caspian Region. The author pays special attention to the evolution of national approaches of the “Caspian Five” to the problem of mineral resources delimitation as well as its connection to negotiations on the draft comprehensive Convention on the Legal Status of the Caspian Sea. The article mentions the key benchmarks of the negotiation process, examines the influence of bi- and multilateral arrangements among Russia, Kazakhstan and Azerbaijan during 1998-2003 on the situation in the region. The role of conflicts among Azerbaijan, Iran and Turkmenistan over transboundary oil and gas fields in the southern part of the sea as a factor of regional instability as well as its negative influence on the relations between the Caspian Littoral States, in general, are analyzed. The main conclusion of the author is that debates, launched by the Caspian Littoral States on the energy issues in the format of the Special Working Group at the level of Deputy Foreign Ministers, have gradually transformed to the multilateral mechanism for interaction of regional actors and become a trigger for debates on the other issues of the Caspian agenda such as economic, ecological, military, security, transport, tourist cooperation, etc. Taking into account importance and a positive role of four Caspian Summits as well as influence of other factors (separate position of Iran, external forces, environmental risks) on the negotiation process, the author underlines the fact that all efforts of the Caspian Littoral States should be focused on elaborating the compromise settlement scheme of mineral resources delimitation, which should be fixed in the future comprehensive Convention.

Key words: Caspian Sea, legal status, delimitation, seabed and subsoil, mineral resources, draft convention, disputed transboundary fields, Caspian Summit.

References

1. Abakarov A.T. *Kaspiiskii region v global'noi strategii v usloviakh novogo geopoliticheskogo prostranstva* [Caspian Region in the Context of Global Strategy in Geopolitical Space]. *Pravo i politika* [Law and Politics], 2007, no. 11, pp. 86-93. (In Russian).
2. Gegelashvili N.A. *Kaspiiskii region v mirovoi politike* [Caspian Region in the World Politics]. Moscow, ISKRAN Publ., 2014. 165 p. (In Russian).
3. Zhiznin S.Z. *Energeticheskaiia diplomatiia Rossii: ekonomika, politika, praktika* [Energy Diplomacy of Russia: Economics, Politics, Practice]. Moscow, East Brook Publ., 2005. 640 p. (In Russian).
4. Zhiznin S.Z., Guliev I.A. *Energeticheskaiia diplomatiia v Kaspiiskom regione* [Energy Diplomacy in the Caspian Region]. *Vestnik MGIMO-Universiteta* [MGIMO Review of International Relations], 2012, no. 1 (22), pp. 241-247. (In Russian).
5. Zhil'tsov S.S. *Politika Rossii v Kaspiiskom regione* [Politics of Russia in the Caspian Region]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2016. 240 p. (In Russian).
6. Zhil'tsov S.S., Zonn I.S. *SShA v pogone za Kaspiem* [USA Chasing after the Caspian Region]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 2009. 200 p. (In Russian).
7. Kolchugin N.P. *Kaspiiskoe more: protsess vyrabotki pravovogo statusa ostaetsia v tuipe* [Caspian Sea: Drafting the Legal Status Is At a Deadlock]. Middle East Institute Website, 16.05.2012. Available at: <http://www.iimes.ru/?p=14732#more-14732> (accessed 16.11.2017). (In Russian).
8. Mamedov R. *Mezhdunarodno-pravovoi status Kaspiiskogo moria: vchera, segodnia, zavtra* [Legal Status of the Caspian Sea: Yesterday, Today, Tomorrow]. Baku, Azerneshr Publ., 2006. 456 p. (In Russian).
9. Temirbulatov A.M. *Pravovoi status Kaspiiskogo moria: pozitsii prikaspiiskikh gosudarstv* [Legal Status of the Caspian Sea: Positions of the Caspian Littoral States]. *Geopolitika i bezopasnost'* [Geopolitics and Security], 2011, no. 4 (16), pp. 74-80. (In Russian).
10. Chikharev I.A. *Problematika politicheskogo prostranstva i vremeni v sovremennoi politologii i mezhdunarodnykh otnosheniakh* [Political Space and Time Issues in the Modern Political Science and International Relations]. *Politicheskaiia nauka* [Political Science], 2009, no. 1, p.7. (In Russian).
11. Akiner S., Gizzatov V., Roberts J. *The Caspian. Politics, energy and security*. Ed. by Akiner S. RoutledgeCurzon Publ., 2005. 372 p.
12. Janusz-Pawletta B. *The Legal Status of the Caspian Sea. Current Challenges and Prospects for Future Development*. Springer Publ., 2015. 176 p.
13. Kubicek P. Energy politics and geopolitical competition in the Caspian Basin. *Journal of Eurasian Studies*, 2013, vol. 4, no. 2, pp. 171-180.
14. Zimnitskaya H., von Geldern J. Is the Caspian Sea a sea; and why does it matter? *Journal of Eurasian Studies*, 2011, vol. 2, no. 1, pp. 1-14.

About the author:

Ilya S. Rozhkov – Second Secretary of the Third CIS Department, Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. Smolenskaya-Sennaya Square 32/34, 119200 Moscow, Russia. E-mail: ilja_roschkow@mail.ru.